

Андрей Михайлович задумчиво курил, пока Сергей разливал по стаканам прозрачную жидкость и ставил пустую бутылку на пол к другим таким же.

— Бабы всё-таки удивительные существа, — продолжил он.

— И не говорите, — поддакнул кто-то из-за стола.

За столом все сидели без фуражек и без формы, но уважительный тон при обращении к старшим по званию все же соблюдался.

— Я тогда еще участковым служил в поселке, — продолжил Андрей Михайлович.

— Была у нас тогда одна девушка, ладненькая вся такая, ухоженная, тихая мышка прям вся. Всегда платьице выглаженное, сколько ее помню. Родители такие хорошие, здоровалась всегда, в общем загляденье. Ну, и как-то летом она в магазине работала. Тогда как раз завезли новые приемники, и она сидела на выходных и разбирала их. Магазин закрыт был, а завмаг знал, что она исполнительная, всё сама делает, вот и решил забухать на выходных. В поселке-то об этом все знали. В общем, грабанули тогда этот магазин.

Помню, мои на месте преступления описывают всё, завмаг вокруг ходит и трясется, божится, что он не пил ни грамма, отлучился на часок только. А она в машине у меня сидит, напуганная такая, сама не своя. И главное, ни как выглядели они не помнит, ни что делали не помнит. Меня злость такая взяла — вроде с виду умненькая девчонка-то, а строит из себя дуру. Да что же вы там делали все так долго-то, трахались что ли, говорю. Смотрю, а она лицо руками закрыла и тихонько заплакала.

Помню, я только пробормотал «скоты» и повез ее в отделение заявление писать об изнасиловании. Злой был как черт из-за того, что у меня в посёлке завелись такие сволочи. Такую девчонку ладненькую обидели! Но еще больше злость меня взяла когда эта, блядь, дура отказалась писать заявление на них. Сидит, плачет, «не буду» сквозь слезы говорит. Я ей тогда, ты что, совсем что ли? Понравилось что ли, когда ебут? Только плачет в ответ.

Пожалел я ее тогда. Родителям не сказал ничего про это, никому не сказал. Хотя понимал, что жалея девку позволяю этим сволочам еще больше распускаться. Целый месяц её уговаривал, убеждал. Ты же для них никто, они тебя просто попользовали и всё, не воображай там себе ничего, говорил. «Ну и что.»

Одного я потом всё-таки поймал. Второй, видно, сразу сбежал из города, а этот затаился на окраине в старом доме. Нашел я его случайно: заметил, как эта блядь идет туда с сумкой. Вся такая ухоженная, платьице выглаженное.

Дом весь покосившийся стоит. я подкрался к дому, заглянул в щель, а она там прям на дощатом полу лежит, платьице задрано и скулит как собачонка, глаза закатив от счастья. А она в отцы годится, правда мужик видный, крупный, с ручищами здоровыми.

Брали мы его втроем. Пришлось только дождаться, пока эта дура уйдет. А она все не уходила. Сидит рядом с ним, глаза влажные. Он над дурой этой насмехался только. У меня от злобы аж скулы сводило. «Что, еще хочется?» говорит. А она, как послушная собачонка, только кивала. «А ну платье сняла и на пол постелила, живо!» — сказал он. Она покорно начала своими тоненькими пальчиками расстегивать сзади пуговички на платье. Блядь, мужики, не поверите — какой она была сочной! Голая стояла и аккуратно платьице стелила на пол, а у меня аж в штанах тесно стало. Да на это тело столько мужиков в поселке бы нашлось

подходящих, а она этому подонку отдается как последняя блядь!

В общем, вышла она через полчаса. Измятая вся, грязная. Дождались мы, пока она из виду скроется и взяли его. А она потом долго передачки ему носила, ещё пока он у нас был. А как увезли его, прям совсем загрустила.

— Даааа, мозгов у таких баб точно нет, всё в пизду уходит, — выругался кто-то из-за стола.

— Ну, дура-дурой, а преданность таких дур впечатляет меня все-таки, — сказал еще кто-то.

— Преданность? — удивился Андрей Михайлович, — Да ведь я же её и ебал потом. И забыла она о нем как миленькая. Говорю я ей как-то, что может он и самый лучший из мужчин, что она видела, но, видать, недостаточно умён был, если я смог его поймать. А у нее глаза влажные все, хнычет опять сидит. Я поначалу уважал её, даже жалел потом, но после этого, конечно, ни во что не ставил больше, особенно когда увидел, что она делала там для него в избушке. А такие женщины мигом чувствуют, как мужчины думают о них, даже не понимаю, как это у них получается. Видимо, она поняла, кто в поселке по-настоящему главный.

Смотрю, а у нее глаза такие же стали, как в тот раз были в домике. Затащил я ее тогда в общагу нашу, рявкнул там на коменданта, чтоб ключи дал от пустой комнаты. Вижу, она задрожала вся от волнения. Бросил я в комнате ее на пол, а там вещи все чужие по полу лежат. Подол задрал, смотрю, ее пизда прямо течёт и пахнет вся. Как я начал ее ебать там, она визжала и пищала как свинка. Я с армии никого не драл так, как ее в тот раз. Потом всю раздел, перевернул на живот и сзади хорошенъко ее выебал. Так и бросил ее там лежать, и ушел.